

«Музыкальные широты»

Леонарда Бернштейна

Нынешним летом в Москве выступал Международный молодежный симфонический оркестр, родившийся всего за месяц до этого во время подготовки к музыкальному фестивалю земли Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ). Руководил оркестром Леонард

Бернштейн. Всемирно известный дирижер, во-первых, проявил инициативу в самом осуществлении необычного эксперимента по «ускоренному» созданию нового коллектива, куда вошли 120 юных исполнителей из 20 стран; во-вторых, выразил стремление приехать вместе с ним на гастроли в СССР; в-третьих, весь сбор от данных здесь концертов попросил передать в Советский фонд культуры и Советский детский фонд имени В. И. Ленина. Все это достаточно красноречиво говорит о личности музыканта, которого мир знает еще и как автора мюзикла «Вестсайдская история». К 70-летию, которое он отметил вскоре после своего возвращения из нашей страны, в западной прессе появилось немало юбилейных статей в его честь. Одну из них мы перепечатываем.

Донал ХЕНЕЗ

«ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД ТРИБЮН», ПАРИЖ.

МОЖНО ли представить себе, что Питер Пэн (герой одноименной сказки Дж. Барри о мальчике, который никогда не становится взрослым. — Ред.) вырос и превратился в величественного старца? Столь же трудно поверить в то, что Леонард Бернштейн, этот «вечный вундеркинд» с дирижерской палочкой, стал седовласым патриархом, которого почитают не меньше, чем Леопольда Стоковского, Артуро Тосканини или Бруно Вальтера.

Работа дирижера отличается от других занятий тем, что не только способствует долголетию, но и создает вокруг музыканта некий усиливающийся с годами «ореол святости». Бернштейн, чей 70-летний юбилей был отмечен в Беверли-Хиллз, пригороде Лос-Анджелеса, гала-концертом Бостонского симфонического оркестра, достиг в своей дирижерской карьере того рубежа, когда, что бы он ни делал, его всегда сочтут гениальным. Те из профессионалов, кто раньше подсмеивался над всплесками эмоций и «балетными па» Бернштейна за дирижерским пультом, теперь воспринимают его необыкновенно страстные интерпретации абсолютно серьезно и даже благоговейно. Почти никто из них уже не сомневается в том, что его театральные взгляды и жесты — не просто эффектное зрелище, а естественные порывы сверхмузыкальной натур.

Темперамент Бернштейна таков, что он, кажется, хотел бы заключить в объятия весь музыкальный мир. В последнее время музыкальный мир, похоже, готов ответить ему тем же. Гала-концерт в Беверли-Хиллз — первая из четырех юбилейных программ — собрал со всего света таких разных и блестящих артистов, как Криста Людвиг и Китти Карлайл Харт, Хильдегард Беренс и Ван Клиберна, Родди Макдоуэлл и Адольф Грин.

Музыканты, прежде снисходившие до «Ленни-затейника», сегодня играют под его руководством с энтузиазмом, который способен вызвать мало кто из коллег-дирижеров. Что же касается публики, благодаря которой он проснулся знаменитым на другое утро после того памятного дня 1943 года, когда срочно заменил дирижера в Нью-Йоркском филармоническом оркестре, то она всегда была за него. Для нее, нуждающейся в кумирах, Бернштейн с самого начала был не просто дирижером, композитором и пианистом, а явлением музыкальной Америки.

Он с такой неумной энергией брался за множество различных проектов, что на его пути, казалось, неизбежно должны были возникнуть препятствия. И удивительно, что судьба складывалась так гладко. «Кто он — разносторонний человек нового типа или просто неутомимый «швед и жнец»? — спраши-

Фото «Таймс», Лондон.

вали профессиональные скептики. В самом деле, появившись сначала юный пианист-виртуоз, а потом виртуозу понадобилось вдруг стать симфоническим дирижером, вдохновенный дирижер не смог отказаться от ведения телевизионных программ по популяризации музыки (и вел их беспрерывно пятнадцать лет!); блестящий популяризатор однажды принялся сам сочинять музыку, да такую разную, что его произведения зазвучали как в филармонических залах, так и в мюзик-холлах Бродвея... Его творчество всегда состояло из вороха кажущихся противоречий. Вот, например, еще одно из них: тот, кого называли «Нижинским за пультом», учился своему искусству не у какого-то экзальтированного маэстро, а у Фрица Райнера, убежден-

ного сторонника сдержанного, скупого дирижерского стиля.

Среди исполняемых Бернштейном композиторов Густав Малер наиболее близок ему по своему духу. И это не случайно: того тоже на протяжении всей жизни одолевали противоположные стремления. Способность прочувствовать духовные терзания Малера нашла свое отражение в незабываемых выступлениях 60-х годов, которые окончательно убедили музыкальный мир в значительности Бернштейна как интерпретатора.

Но в творчестве Бернштейна не обошлось и без иных влияний. Оффенбах для него тоже много значил и явно подтолкнул к сочинению таких относительно легких мюзиклов, как «Чудесный город» и «Вестсайдская история», а также более серьез-

ного «Кандида». Подобно Оффенбаху, который создал и зажигательную оперетту «Орфей в аду», и величественную оперу «Сказки Гофмана», Бернштейн тоже успешно трудился на разных «музыкальных широтах». Он мог свободно и быстро перейти от рассчитанного на массовый вкус балета «Невлюбляющийся» к изысканной симфонии «Возраст тревоги», навеянной поэзией Одена (современный американский поэт. — Ред.), или к симфонии «Серенада» по мотивам платоновского диалога «Пир». Трудно поверить, что автор веселой музыки к спектаклю «Питер Пэн» и создатель симфонии, в основу которой положен «Плач Иеремии», — одно и то же лицо, что вариации для джаз-ансамбля и «Чичестрские псалмы» на библейские темы писал один и тот же композитор. Он устраивает стажировки для молодых музыкантов и формирует из них оркестры. Он пишет стихи и кладет на музыку поэтические строки Рильке. А кроме всего прочего, читает лекции по... лингвистике.

Бернштейн — и это еще одно «противоречие» — дорожит уважением музыкаль-

ных академических кругов, но вместе с тем любит «плавать против течения». В своих собственных сочинениях он оставался верен тональной музыке, но, будучи руководителем Нью-Йоркского филармонического оркестра, старался держать публику в курсе того, что происходит у авангардистов. Защищая такую музыку и одновременно относясь к ней критически, он дирижировал более чем 40 премьерами атональных сочинений, щедро включая в свои программы такие имена, как Кейдж, Берно и Штокхаузен.

Недоброжелатели иронизируют, что Бернштейн никак не может решить, быть ли ему новым Тосканини, Бетховеном или же Коулом Портером (американский композитор, автор мюзиклов и музыки к кинофильмам. — Ред.). Да, он действительно все еще не выбрал путь окончательно, но мы ведь уже давно поняли, что в этом и состоит его выбор. Да, у его творчества «много голов», но без этого Бернштейн не был бы Бернштейном, а американская музыка была бы намного беднее и скучнее, чем она есть сегодня.